

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ 1980–1990-Х

УДК 94:338.1(470)"1990"

doi 10.17072/2219-3111-2019-3-5-14

ЭФФЕКТ ЗАПОЛНЕННЫХ ПРИЛАВКОВ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ТОВАРНОГО ДЕФИЦИТА В РОССИИ В 1990-Е ГОДЫ И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ¹

О. В. Хлевнюк

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
okhlevniuk@hse.ru

Резкое обострение кризиса снабжения в СССР и России в конце 1980-х – начале 1990-х гг. стало важнейшим фактором дискредитации плановой экономики и перехода к рыночной системе. Одним из символов социально-экономических противоречий советской экономики была нехватка продовольственных и промышленных товаров. Преодоление этого дефицита было объявлено важной целью реформ и перехода к рынку. Однако, несмотря на резкое сокращение уровня потребления после либерализации цен, дефицит товаров сохранялся. Этому способствовали различные факторы, которые изучаются в статье на основании материалов мониторингов потребительского рынка, информационных материалов экономических ведомств, направляемых руководству правительства Российской Федерации. Только через три года после начала реформ появились признаки преодоления дефицита. Это был важный позитивный результат реформ. Он широко использовался в правительственной пропаганде и положительно воспринимался обществом. Вместе с тем способы преодоления дефицита товаров, в частности насыщение рынка за счет наращивания импорта, а не собственного производства, порождали новые противоречия. Остро стояла проблема реальной доступности и качества товаров, низкого уровня потребления и растущего неравенства. На основании опубликованных и архивных материалов рассматриваются несколько вопросов. В чем состоял феномен товарного дефицита в условиях либерализации цен? Как и какими методами происходило насыщение рынка товарами? В какой мере эти процессы отражались на массовых настроениях? Каким образом преодоление дефицита использовалось в качестве аргумента в политической пропаганде?

Ключевые слова: кризис снабжения, реформы 1990-х гг., преодоление дефицита, пропаганда, массовые настроения.

Социологические опросы, проводившиеся в десятую и двадцатую годовщины реформ в России, в 2002 и 2012 гг., демонстрировали устойчивую тенденцию: первое место в перечне приобретенных обществом в результате реформ занимала позиция «Насыщение рынка товарами». Так думали 54% респондентов в 2001 г. и 52% – в 2011 г. Для сравнения: свободу слова и мысли оценили как достижение реформ 28% опрошенных в 2001 г. и 18% – в 2011, а возможность выезда за рубеж – соответственно 22 и 32% (Двадцать лет реформ..., 2011, с. 25). Такой результат вряд ли вызовет удивление у тех, кому довелось пережить трудности позднесоветского и постсоветского времени. Преодоление дефицита товаров было одним из важных факторов развития страны в 1990-е гг. С постановки такой задачи начиналась либерализация цен в 1992 г. Преодоление дефицита оказывало воздействие на образ жизни значительной части населения страны и в какой-то степени способствовало социальной стабильности.

Несмотря на очевидную значимость этой проблемы, в литературе преодоление дефицита товаров лишь упоминается как автоматический результат рыночных реформ [Ханин, 2014, с. 175; Экономика переходного периода, 1998, с. 946–949, 981–986], но специально не исследуется. Между тем это был длительный и сложный процесс, имевший собственную динамику и механизмы, политические и социальные последствия. Его изучение является целью данной статьи. В ней рассматриваются несколько взаимосвязанных вопросов. В чем состоял феномен товарного дефицита в условиях либерализации цен? Как и какими методами происходило насыщение рынка товарами? В ка-

кой мере эти процессы отражались на массовых настроениях? Каким образом преодоление дефицита использовалось в качестве аргумента в политической пропаганде?

Для изучения этих вопросов используются статистические данные, материалы социологических исследований, отчеты и аналитические записки центральных правительственных учреждений и местных органов власти, представленные в публикациях и архивных фондах Съезда народных депутатов и Верховного совета Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 10026), правительства Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 10200), Комитета цен при Министерстве экономики (ГАРФ. Ф. 10126), Государственной думы Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 10100).

Дефицит товаров в условиях либерализации

Нехватка товаров и услуг была характерной чертой советской экономики. Постоянные очереди, «блат», черный рынок – устойчивые явления в повседневной жизни граждан СССР на протяжении десятилетий [Ledeneva, 1998]. Новое обострение ситуации наблюдалось на рубеже 1980-х и 1990-х гг. Кардинальные политические перемены происходили на фоне разрушения потребительского рынка и всеобщего дефицита [Гайдар, 2006, с. 346–376]. В этих условиях новое российское руководство со 2 января 1992 г. почти полностью отказалось от регулирования цен. Это позволяло надеяться на мобилизацию имеющихся в стране товарных ресурсов, а также на наращивание производства. Кроме того, свободные цены должны были вызвать снижение спроса за счет сокращения потребления и ликвидации ажиотажных закупок впрок. Теоретически дефицит и очереди могли достаточно быстро исчезнуть. Действительность, однако, оказалась иной.

Гораздо больше, чем ожидалось, выросли цены. В среднем по стране за 1992 г. они увеличились в 26,1 раза, а денежные доходы – только в 11,4 раза (ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 1200. Л. 41). Соответственно уменьшался объем потребления и товарооборота. Несмотря на это, дефицит товаров, перебои в торговле и очереди сохранялись, хотя и не были такими значительными, как накануне реформ. Ценовые механизмы регулирования рынка оказались лишь одним из многих факторов, воздействующих на него. Продолжалось падение производства, укреплявшее монополизм производителей. Торговые сети предпочитали держать высокие цены и перекладывать издержки за порчу нереализованных в силу дороговизны товаров на поставщиков и т.д.

Первые тревожные сигналы о сохранении дефицита товаров начали поступать сразу же после освобождения цен в январе 1992 г. Объем приобретенных населением товаров в сопоставимых ценах в этом месяце составлял 29% от объема в декабре 1991 г. (ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 521. Л. 17). Однако даже такое резкое падение спроса не позволило преодолеть дефицит. Как показало обследование, проведенное 8–14 января 1992 г. во всех столицах республик в составе РСФСР и административных центрах краев и областей, масло растительное отсутствовало в продаже в 72% их, мясо – в 67%, сахар – в 54%, масло животное – в 55%. Молочная продукция реализовывалась при наличии очередей в 62% обследованных городов. Хлеб продавался с перебойми в 47% их. Самым стабильным было снабжение картофелем и овощами – они имелись в свободной продаже в 65% городов. В последующие дни ситуация улучшалась лишь в незначительной степени (ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 695а. Л. 2, 3, 17, 20). Подводя итоги первого квартала 1992 г., Министерство торговли и материальных ресурсов докладывало в правительство: «Предлагаемый ассортимент продовольственных товаров разнообразием не отличается. В течение всего квартала ощущалась нехватка молокопродуктов, рыбной продукции, масла растительного, кондитерских изделий и особенно сахара» (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 1609. Л. 63). В первом квартале 1992 г. наличные фонды сахара составляли 46,7% от потребности, что порождало перебои в продаже и очереди (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 1619. Л. 57).

Отчасти дефицит и ажиотажные закупки были вызваны сохранением регулируемых цен на ряд товаров – на некоторые виды хлеба, молоко, масло растительное, сахар, спички, водку. После-реформенный дефицит был прежде всего дефицитом сравнительно дешевых товаров, которые нередко распределялись по талонам, нормам и закупались впрок для личного потребления или перепродажи. Так, с введением свободных цен на хлеб из муки высшего сорта увеличился спрос на хлеб из ржаной и пшеничной муки первого сорта. Такой хлеб был одним из самых дешевых продуктов питания, и продажа его повсеместно создавала очереди (ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 521. Л. 20). В январе 1992 г. в Тюменской области «в связи с перепадами цен на хлеб, нерасторопностью торговли и общей психологической нервозностью практически повсеместно наблюдалась ажиотажная скупка в больших количествах хлебобулочных изделий, особенно по низким ценам». Администра-

ция Тюмени ввела с 22 января в качестве временной меры на первый квартал карточную систему снабжения хлебом из расчета 200 граммов на жителя (ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 753. Л. 135). Карточки и нормы продажи в одни руки вводились на дешевый хлеб и в других городах, например, в Кемерово и Чите (ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 521. Л. 20). По причине относительной дешевизны постоянно отсутствовали в продаже в большинстве городов крупы и макаронные изделия (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 1609. Л. 114–119).

Эти общероссийские тенденции наблюдались также в Москве, которая снабжалась относительно лучше. 24 января 1992 г. Госкомстат провел обследование десяти продовольственных магазинов столицы. Все они были заполнены очередями за молочными продуктами, маслом и хлебом. В одной из булочных Первомайского района с утра скопилась очередь за хлебом в 300 чел. В универсаме «Новогиреевский» за сахаром стояли 400 чел., а за молоком – 150 чел. При этом молоко закончилось через двадцать минут после открытия магазина (ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 695а. Л. 21, 22).

Социологические исследования в начале апреля 1992 г. показывали, что очереди оставались повсеместным явлением. Так, в Новосибирске более часа в очереди нужно было стоять за молоком, в Екатеринбурге и в Арсеньеве Приморского края – за хлебом. Самые большие очереди из обследованных городов были в Туле. Здесь более часа нужно было потратить на покупку растительного масла, молока и водки. Большинство остальных товаров также приобреталось в очередях, на стояние в которых необходимо было не менее часа. В Коврове Московской области в свободной продаже не было ни одного из основных продовольственных товаров. Лишь хлеб можно было приобрести в этом городе, отстояв в очереди менее часа. Многих продуктов питания не было также в других городах (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 1619. Л. 23–28).

Аналогичная ситуация наблюдалась на рынке промышленных товаров. В феврале 1992 г. на рынке появились ранее дефицитные телевизоры, холодильники, часы, отдельные виды мебели и одежды и т.д. Однако они не раскупались из-за очень высоких цен (ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 521. Л. 21). При этом сравнительно недорогие промышленные товары повседневного спроса (моющие средства, мыло, зубная паста, лезвия для бритвы, колготки, носки, белье, пальто, мужские костюмы, обувь) оставались дефицитными (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 1631. Л. 107). Особенно напряженное положение складывалось с моющими средствами. Из 76 обследуемых в первом квартале 1992 г. городов талонная система на покупку мыла сохранялась в 17, а стиральных порошков – в 12 (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 1609. Л. 63, 69).

В общем социально-экономический сценарий реформ в части потребительского рынка оправдался лишь в некоторой степени. Первые три месяца либерализации цен породили новое явление, суть которого министр экономики А.А. Нечаев в своей записке в правительство охарактеризовал следующим образом: «Сложилась парадоксальная ситуация, когда даже в условиях либерализации цен не наполняются полки государственных магазинов» (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 1609. Л. 119).

Эта ситуация хотя и менялась, но менялась медленно. Как следовало из социологических опросов, проведенных 10 и 17 июня 1992 г., из 36 обследованных городов мясо и хлеб в свободной продаже имелись в 17, сахар – в 7, молоко – в 15. Труднее всего было приобрести сахар, водку и табак. К недефицитным товарам относились яйца, сливочное масло, хлеб, колбасные изделия (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 1619. Л. 115, 148). Мониторинг торговли промышленными товарами в августе 1992 г. показывал отсутствие в свободной продаже утюгов, стиральных машин, электрических чайников, пылесосов, холодильников и телевизоров, школьных тетрадей, недорогой мебели, лезвий для бритвы, чайной посуды (ГАРФ. Ф. 10126. Оп. 1. Д. 30. Л. 99–100). Судя по опросам общественного мнения в конце 1992 г., лишь 40% респондентов положительно ответили на вопрос, уменьшился ли дефицит в результате перехода к свободным ценам. 46% придерживались противоположного мнения, 14% затруднились с ответом (Никитина, 1998, № 1, с. 57).

Основными причинами сохранения дефицита товаров были продолжающееся падение производства и денежная эмиссия. Хотя доходы населения, особенно бедного, росли значительно медленнее, чем цены, различные выплаты в условиях общей нехватки товаров толкали цены вверх и не позволяли избавиться от дефицита. Очевидная необходимость социальной поддержки беднейшего населения при падении производства, таким образом, затягивала процесс стабилизации рынка. Только в августе 1992 г. рост наличности на руках у населения составил 24,1%. Объем денег на руках у населения и вкладов в сбербанке в это время был близок к объему розничного товарооборота

за январь – август 1992 г. (ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 523. Л. 15, 16). На этой основе на рынке периодически отмечались ажиотажный спрос и массовые закупки в запас, преодоление которых считалось одной из важных целей либерализации цен. В конце августа – сентябре в связи со слухами об отпуске цен на энергоносители и опасениями по поводу нового скачка цен появлялись очереди. По предварительной записи продавались мебель, телевизоры и другие товары (ГАРФ. Ф. 10126. Оп. 1. Д. 30. Л. 98). К концу 1992 г. Госкомстат фиксировал нарастание ажиотажного спроса и закупок в запас продовольственных товаров. Эксперты объясняли это быстрым ростом цен и повышением номинальных денежных доходов населения (ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 1200. Л. 46).

Сохранялся прежний характер дефицита. И в 1992 и в 1993 г. приоритетным был дефицит сравнительно недорогих товаров повседневного спроса. В середине января 1993 г. наиболее благоприятным было положение с мясными продуктами и молоком, которые можно было приобрести в большинстве из 132 обследуемых городов. Однако практически во всех этих городах не было в свободной продаже многих видов макаронных и крупяных изделий. Ухудшилось положение с продажей сливочного и растительного масла (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 4838. Л. 128). Характерными чертами рынка промышленных товаров в 1993 г. были также вымывание дешевого ассортимента, недостаток товаров первой необходимости и изделий для детей (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 9695. Л. 2). В конце 1993 г. наблюдался дефицит спичек, мыла и моющих средств (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 7990. Л. 3–5).

Привычным спутником дефицита оставались различные формы нормирования. Так, в начале 1993 г. во всех районах Московской области продовольственные товары первой необходимости продавались населению по спискам или талонам (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 1619. Л. 14–21). В октябре 1992 г. в ряде районов осуществлялся нормированный отпуск промышленных товаров: швейных машин (Пенза, Екатеринбург, Самара), школьных тетрадей (Ставрополь), синтетических моющих средств (Кострома, Липецк, Волгоград, Нальчик, Саранск), холодильников, стиральных машин (Самара, Москва), спичек (Таймырский автономный округ, Оренбург и др.). Практически не началась свободная продажа населению отечественных автомобилей, кроме не пользовавшихся спросом автомобилей «Москвич» (ГАРФ. Ф. 10126. Оп. 1. Д. 30. Л. 98).

Сохранение дефицита было одной из причин примитивизации торговли. Широкое распространение уличной и рыночной торговли сопровождалось деградацией магазинов. Как показало выборочное обследование Госкомстата России в октябре 1992 г., в государственной торговле наблюдался массовый отказ от продажи методом самообслуживания. Причинами назывались массовые хищения и дефицит. Одновременно происходило сокращение торговых площадей и нарушение ассортиментной специализации магазинов. В продовольственных магазинах отводились площади для коммерческой торговли промышленными товарами. Отмечалось опасное сочетание ассортимента. В Москве, в универсаме на улице Краснодарской, проверка выявила продажу в одном отделе расфасованных сухарей, муки, а также сигарет и средств от тараканов. В ряде столичных булочных наряду с хлебом торговали обувью, одеждой и табачными изделиями. В Благовещенске в магазине «Овощи» был открыт промтоварный отдел, в котором продавались краска, шампунь, синтетические моющие средства. Аналогичные сообщения поступали из других районов страны. В совокупности такие тенденции вели к росту затрат времени на приобретение товаров, что вызывало недовольство. 84% покупателей, опрошенных в ходе указанного исследования, заявили о предпочтении самообслуживания (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 4805. Л. 6–8).

Преодоление дефицита и проблемы качества потребительского рынка

Важнейшей причиной длительного сохранения дефицита и его устойчивости даже в условиях свободных цен было сокращение производства продовольствия и промышленных товаров, разрыв хозяйственных связей, в том числе с республиками бывшего СССР, также охваченными кризисом. Недостаток валюты ограничивал импорт. Сохранялись монополизм и негибкость неприватизированной торговли. Торговые сети больше полагались на получение доходов за счет роста цен, чем за счет ускорения оборотов и продвижения потребителю имеющихся ресурсов. Политика жесткого ограничения денежных выплат, проводившаяся на начальном этапе реформы, под влиянием роста социальной напряженности была скорректирована. Рост денежных доходов, каким бы незначительным он ни был, в условиях кризиса также способствовал росту дефицита.

Быстро преодолеть действие этих негативных факторов было невозможно. Поэтому в ход пошли наиболее доступные, пусть и не самые оптимальные средства. Первостепенное значение

среди них имело наращивание импорта продовольствия и промышленных потребительских товаров. Их удельный вес в общем объеме товарных ресурсов в 1991 г. составлял 14%, в 1994 – 39%, в 1995 – 54%. При этом резко сокращались объемы поставок товаров из стран СНГ. В 1991 г. они составляли 15% российского розничного товарооборота, а в 1994 – 2,5% (Российский статистический..., 2002, с. 489; ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 278. Л. 12). Эти данные официальной статистики вряд ли полностью включали в себя показатели товарных потоков так называемых «челноков» – частных лиц, ввозивших импортные товары для реализации на внутреннем рынке. «Челноки» в значительной мере работали на обеспечение мелкой торговли с рук, в палатках и на рынках. Ее широкое распространение после принятия указа «О свободе торговли» от 29 января 1992 г. также способствовало активизации товарных потоков и преодолению дефицита.

В результате действия этих факторов в 1994 г. дефицит удалось в основном преодолеть. По крайней мере, так считало правительство, которое включило в свое программное постановление начала 1995 г. следующую таблицу (Постановление Правительства, с. 194; Российский статистический..., 1994, с. 194).

Таблица 1

Насыщенность потребительского рынка
(в процентах, на конец года по данным обследования 130 городов)

Товары	Насыщенность рынка в год, %		
	1992	1993	1994
Продовольственные	50	70	88
Непродовольственные	70	80	92

Нельзя исключить того, что эти цифры в некоторой степени корректировались с целью представления более благоприятной динамики. Нужно также учитывать, что статистика городского потребления не в полной мере отражала ситуацию в стране в целом. Как показали результаты исследования, проведенного ВЦИОМ в октябре 1996 г. в 102 городских и сельских населенных пунктах Российской Федерации, на вопрос о наличии продовольственных товаров утвердительно ответили 84% опрошенных, а промышленных – 76% (Импортная ложка..., 1996). Эти цифры были меньше соответствующих показателей конца 1994 г. по городам, представленным в табл. 1. Хотя опросы могли фиксировать не только реальную доступность товаров (как дешевых, так и дорогих), но и неудовлетворенность потребителей их ценой и качеством. Однако в целом наблюдалась общая позитивная динамика преодоления дефицита.

Вместе с тем наметившаяся стабилизация рынка некоторое время еще не была устойчивой. На рубеже 1994 и 1995 гг. под воздействием ожиданий роста цен и опасений активизации боевых действий в Чечне росли ажиотажные закупки товаров в запас (Яковлева, 1995). На фоне резкого уменьшения объемов товарных запасов наблюдались перебои в торговле продовольствием в Москве, Свердловской, Тюменской, Нижегородской, Ивановской, Оренбургской, Владимирской, Ростовской областях, Хабаровском и Краснодарском краях. В Москве не хватало животного масла, несмотря на рост цен на него с 8 ноября по 13 декабря 1994 г. в два раза (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 287. Л.31–32; Д. 290. Л. 74–75). Под нажимом московских властей 25 мая 1995 г. правительство РФ приняло постановление «О мерах по обеспечению населения г. Москвы продовольствием в 1995 году», в котором уделялось особое внимание снабжению столицы (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 290. Л. 21–23).

Очевидно также, что за общими цифрами, свидетельствующими о постепенном преодолении дефицита, скрывалось существенное различие в моделях потребления. Дефицит с самого начала возникновения в разной степени затрагивал разные социальные группы. Отмечался огромный разрыв между элитным потреблением новоявленных российских богатых и покупками бедного большинства. Характерной чертой потребления в связи с ростом бедности было резкое увеличение доли расходов на продовольствие. В среднем по России этот показатель в 1993 г. составлял 43,5%, а в 1995 г. достиг максимума в 49% и снизился в 1997 г. до 43%. При этом в группе самого бедного населения он достигал в 1997 г. 63,3% (Торговля в России, 1998, с. 81, 82). Что касается промышленных товаров, то бедное население, как показывали обследования, проигрывало в их приобретении как в количественном, так и в качественном отношении. Чем выше был уровень обеспеченно-

сти семей, тем в большей мере они пользовались импортными товарами. Существовало различие в разнообразии товаров, а главное – в их возрасте. Как показало исследование Всероссийского НИИ потребительского рынка, проведенное в июне – июле 1998 г., бедные использовали холодильники, стиральные машины, телевизоры, автомобили гораздо дольше, чем обеспеченные (ГАРФ. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 1814. Л. 1–10). Сосредоточение зажиточного населения в городах, особенно крупных, определяло географическую разницу в доступности товаров. Именно в города направлялись основные потоки ресурсов.

Несмотря на разницу в уровне потребления, большинство населения страны (за исключением той группы, которая могла приобретать товары по высоким ценам без очередей) было заинтересовано в преодолении дефицита и развитии конкуренции, которая позволяла надеяться на умеренный рост цен. Большинство населения беспокоила также проблема качества товаров, которое резко ухудшилось в связи с падением отечественного производства, открытием страны массовому импорту, снижением уровня контроля и вынужденной непритязательностью российского потребителя. Особенно много нареканий имели импортные товары. В 1994 г. Госторгинспекцией России было снято с реализации более 40 тыс. тонн недоброкачественных продовольственных товаров, в основном зарубежного производства (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 278. Л. 1). Нередко импортные товары поступали с нарушенным сроком хранения. Наблюдалась недобросовестная подмена товаров, например, под видом сливочного масла продавались аналоги маргарина. В 1994 г. было забраковано более половины импортных ликеро-водочных изделий. В закупленной в Германии и Бельгии водке «Распутин» в 11–13 раз было превышено нормативное содержание сивушных масел и альдегидов, занижено содержание спирта. Коньяк из Болгарии отличался нарушениями в содержании сахара и «несвойственным вкусом и запахом» (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 278. Л. 57).

В 1995 г. Госторгинспекция забраковала в полтора-два раза больше проверенных импортных товаров, чем в 1994 г. (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 4258. Л. 22–23). Было забраковано и снижено в сортности около 41% проверенных импортных колбасных изделий и копченостей, 51% цельномолочных изделий, 56% водки, 63% коньяка, 47% швейных изделий и т.д. По отечественным товарам аналогичные показатели составляли соответственно 15, 11, 22, 31 и 62% (Торговля в России, 1998, с. 28). В 1995 г. Госторгинспекция совместно с МВД закрыла 435 подпольных цехов по производству алкогольной продукции (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 4258. Л. 24).

Осознавая угрозы, связанные с низким качеством импортной продукции, руководство страны принимало меры. 12 июля 1996 г. вышло постановление правительства РФ № 799 «О мерах по защите потребительского рынка Российской Федерации от проникновения некачественных импортных товаров». В соответствии с ним в феврале 1997 г. для координации усилий органов государственной власти на этом направлении была создана Межведомственная комиссия по предотвращению поступления на внутренний рынок страны недоброкачественных, опасных для здоровья населения потребительских товаров (ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 7698. Л. 19–23). Эти усилия, а также постепенное улучшение общего качества российского потребительского рынка давали некоторые результаты. Согласно данным статистики в 1996 и 1997 гг. происходило выравнивание уровня браковки проверенных импортных и отечественных товаров, а также некоторое снижение этого показателя по отдельным товарным группам в целом. Хотя в общем качество товаров повышалось медленно (Торговля в России, 1998, с. 28).

Дефицит в массовых настроениях и политическом дискурсе 1990-х годов

Многочисленные социологические исследования свидетельствовали о том, что для значительной части населения России преодоление дефицита являлось значимой жизненной проблемой. Во время опроса ВЦИОМ в январе 1993 г. был задан вопрос: «Что порадовало в 1992 г.?» Третий по значимости ответ (после ответов «Прекращение деятельности КПСС» и «Появление возможности хорошо зарабатывать») звучал так: «появление на прилавках продуктов и товаров» [Никитина, 1998, № 1. с. 58]. Несколько лет спустя, в сентябре 1996 г., опрос ВЦИОМ вновь показал, что преодоление дефицита было отмечено высокой оценкой. Улучшение продовольственного снабжения респонденты считали одной из самых значительных перемен после 1985 г. С показателем в 29% она занимала третье место, уступая свободе слова и свободе вероисповедания [Ковалева, 1997, с. 47].

Вместе с тем социальную значимость преодоления дефицита уменьшило наличие таких факторов, как рост неравенства и фактическая недоступность дорогих товаров для большей части

населения. Каждая из двух находящихся на крайних флангах политического спектра сторон – правительство и левая оппозиция – имели свои козыри в решении этого вопроса. Правительство могло включить преодоление дефицита в свой актив, противопоставив его еще памятной скудности потребительского рынка советского периода. Главные политические оппоненты правительства, коммунисты, вели свою контрпропаганду, вполне осознавая, что пустые прилавки и очереди советского периода – слабый аргумент в пользу необходимости возврата в прошлое. Поэтому основной упор в своих выступлениях они делали на проблеме доступности товаров, подчеркивая, что преодоление дефицита произошло за счет резкого снижения уровня потребления и дороговизны, отсекавшей значительную часть населения от заполненных прилавков.

«Один секрет, как покончить с очередями и дефицитом, мы знаем, – писал автор «Правды» в рецензии на книгу Е. Гайдара «Государство и эволюция». – Давите спрос, цены повышайте, а покупательная способность населения сама упадет» (*Анжимо*, 1995; см. также: *Челноков*, 1993, *Трушков*, 1995). «Если бы оставили возможность сравнить общедоступный магазин потребкооперации образца 80-х и набитый импортной едой супермаркет в русском промышленном городе, где что-либо купить может себе позволить лишь один из десяти, вряд ли последний победил бы в честной конкуренции» – писал в статье к очередной годовщине августовского переворота 1991 г. бывший руководитель советского правительства В. Павлов (*Павлов*, 1996). Эта идея обыгрывалась в публикуемых письмах из редакционной почты. Так, генерал-лейтенант в отставке П. Гребенюк утверждал: «...Мне унизительно чувствовать себя "гаврошем", лицезреющим витрины супермаркетов, но не имеющим возможностей для покупок» (*Гребенюк*, 1996).

Более гибким приемом антиправительственного дискурса в данном вопросе было признание советских провалов, но их противопоставление критической ситуации в условиях российского капитализма. «То, что полки магазинов были пусты, конечно, плохо, и я не намерен это оправдывать, – писал в «Правде» доктор экономических наук С. Дзарасов, – верно, что прежнее коммунистическое руководство заботу о благе народа частенько подменяло демагогией. Но верно и другое – полки магазинов надо пополнять не путем снижения народного потребления, а роста производства...» (*Дзарасов*, 1996). Один из идеологов коммунистов, С. Кара-Мурза, обращаясь к проблеме дефицита, также пытался внушить своим единомышленникам мысль о необходимости признания ошибок: «КПРФ много теряет от того, что избегает хотя бы формулировать вопросы о главных дефектах социалистического проекта в СССР» (*Кара-Мурза*, 1994). О важности такой гибкости свидетельствовали настроения даже в части коммунистического электората, которые выразил в письме в «Правду» В. Малинин из Ярославля. Вспомнив о том, как при коммунистах ездил в Москву за продуктами, хотя и дешевыми, он писал: «Дефицит товаров сменился дефицитом денег. Что лучше? Наверное "хрен редьки не слаще"» (*Малинин*, 1997). Директор Института физики Земли РАН академик В. Н. Страхов, объявивший голодовку протеста против разрушения российской науки, заявил корреспонденту газеты «Завтра», что основной массе народа «коммунистический режим периода "застоя" с его фальшивой идеологией просто осточертел. Эти бесконечные "одобряем-с", контроль парткомами всего, вплоть до сугубо профессиональной и личной жизни людей, дефицит товаров, бесконечные очереди и так далее. Люди тогда думали: что бы ни пришло на смену этому режиму, будет обязательно лучше. И, конечно, им и в голову не приходило, что страну ждет "дикий капитализм" с еще более безобразным режимом, чем коммунистический» (*Прокудин*, 1996).

Вместе с тем в обсуждении проблемы дефицита правительственная пропаганда имела свои преимущества. Рынок действительно наполнялся товарами, и ситуация, хотя и медленно, изменялась к лучшему. Оппоненты же правительства не конкретизировали в доступной для рядового гражданина форме свои планы разрешения проблемы дефицита. Вопреки призывам к признанию ошибок, они предпочитали изображать советское время как утраченное процветание, что не соответствовало личному опыту многих граждан страны. Это слабое звено коммунистической пропаганды активно использовали сторонники реформ. Разбирая программу лидера коммунистов Г.А. Зюганова к президентским выборам, эксперт газеты «Известия» отмечал опасность призывов к усилению прямого государственного регулирования экономики. «Мы снова приходим к затратной экономике, когда цена товара определяется не рынком, а затратами на его производство. Из опыта советской власти нам известно, что если попытаться ограничить цены, то сразу же в торговле глав-

ным мотивом станут не деньги – править торговлей начнет его величество Дефицит. Все будет стоить дешево и деньги у всех будут, но в магазинах будет пусто» (Жуков, 1996).

Такие опасения, судя по данным социологических опросов, разделяла значительная часть населения страны. По мере насыщения рынка дефицит товаров как предмет беспокойства уходил на задний план, уступая место недовольству ростом цен [Никитина, 1998, № 4, с. 52]. Однако падение интереса к проблеме дефицита было связано с его постепенным преодолением и не означало, что общество согласно с возможностью возвращения пустых прилавков и очередей. Вопрос стоял так: является ли искоренение дефицита сколько-нибудь адекватной платой за экономические реформы, рост цен и падение уровня жизни? В конечном счете речь шла о предпочтительности одной из двух моделей социально-экономического устройства: рыночных отношений с высокими ценами и без дефицита или социалистического устройства с контролем над ценами, но при одновременном возрождении дефицита. Как показывали социологические мониторинги, по этому вопросу в российском обществе наблюдался раскол, но, видимо, с некоторым преимуществом сторонников рынка. Так, одно из долгосрочных исследований ценностей и интересов граждан России зафиксировало следующую динамику ответов на вопросы о предпочтительной связи между уровнем цен и наличием товаров [Латин, 2003, с. 126]:

Таблица 2

Ответ	Июль 1990 г.	Март 1994 г.
Пусть высокие цены, но много товаров	49,4	61,9
Пусть мало товаров, но низкие цены	28,0	22,2
Не знаю	19,2	12,9

Показательными были также опросы общественного мнения по поводу целесообразности введения нормированного распределения (талонов или карточек). Если в начале 1993 г. доля сторонников и противников нормирования составляла 37 и 51%, то в середине 1995 г. – 12 и 72% [Ковалева, 1995, с. 31].

Результаты опросов позволяли утверждать, что в целом большинство российских граждан высоко оценивали преимущества бездефицитной экономики, несмотря на высокую социальную цену, заплаченную за ее укоренение. Из этого можно сделать несколько выводов. Отрицательный опыт, связанный с советской системой торговли/распределения и хронического дефицита товаров оказывал значительное воздействие на настроения и установки того поколения российских граждан, которое в значительной степени поддержало реформы и демонтаж советского социализма. Этот отрицательный опыт, пережитый совсем недавно, был важным фактором социально-политического развития России в 1990-е гг. В массовом сознании в указанный период сохранялось убеждение в прочной взаимосвязи проектов возвращения к государственному регулированию экономики и пороков дефицитного потребления и скудности ассортимента товаров. В совокупности с другими причинами (прежде всего с тревогой за судьбу политических свобод) это убеждение препятствовало широкому распространению ностальгии по советскому прошлому в то время. В результате преодоление дефицита и очередей было одним из важнейших факторов, ослаблявших поддержку проектов государственного регулирования экономики и цен.

Вместе с тем преодоление дефицита было постепенным и противоречивым процессом. Он отражал характерные черты российского перехода к рыночной экономике: значительное падение производства, обострение социальных противоречий, чрезвычайно интенсивное снижение уровня жизни, углубление неравенства. Острыми были проблемы прогрессирующей зависимости российского рынка от импорта и низкого качества товаров. Позитивный политический потенциал преодоления дефицита, который активно использовался правительством в борьбе с оппозицией, имел очевидные пределы. Отдавая должное важности преодоления дефицита, массовые ожидания перемещались в область совершенствования сложившейся рыночной системы, активизации социальной политики государства, преодоления чрезмерного неравенства, повышения качества потребительских товаров и т.д. Однако в целом фактор преодоления дефицита, хотя и терял свое приоритетное значение, оставался ценностью в постсоветском российском обществе.

Примечания

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история России (1990-е годы)», реализуемого в НИУ ВШЭ.

Список источников

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10026. Д. 521. Л. 21; Д. 695а. Л. 2, 3, 17, 20–22; Д. 753. Л. 135; Оп. 5. Д. 521. Л. 17, 20; Д. 523. Л. 15, 16; Д. 1200. Л. 41, 46.
ГАРФ. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 1814. Л. 1–10.
ГАРФ. Ф. 10126. Оп. 1. Д. 30. Л. 98–100.
ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 1609. Л. 63, 69, 114–119; Оп. 4. Д. 1619. Л. 14–21, 23–28, 57, 115, 148; Д. 1631. Л. 107; Д. 4805. Л. 6–8; Д. 4838. Л. 128; Д. 7990. Л. 3–5; Д. 9695. Л. 2; Оп. 5. Д. 278. Л. 1, 12, 57; Д. 287. Л. 31–32; Д. 290, Л. 5–98; Д. 4258. Л. 22–24; Д. 7698. Л. 19–23.
Анжимо Я. Егор Гайдар и революция // Правда. 1995. 10 марта. С. 3.
Гребенюк П. Не доводите армию до отчаяния // Красная звезда. 1996. 20 дек.
Дзарасов С. Такой «гарант» до добра не доведет // Правда. 1996. 1 июля. С. 2–3.
Жуков П. Восемь тезисов Зюганова // Известия. 1996. 2 июля. С. 2.
Импортная ложка в отечественной бочке // Сегодня. 1996. 25 окт.
Кара-Мурза С. Очереди и свобода // Правда. 1994. 21 дек. С. 2.
Малинин В. Письмо в «Правду» // Правда. 1997. 7–14 февр. С. 2.
Павлов В. Правительство подмены понятий // Завтра. 1996. 22 авг.
Постановление Правительства РФ от 28 апреля 1995 г. № 439 «О программе Правительства Российской Федерации "Реформы и развитие российской экономики в 1995–1997 годах"» // Собр. законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1966.
Прокудин А. Бесстрашный Страхов собирает триста спартанцев // Завтра. 1996. 12 окт.
Российский статистический ежегодник. 1994. М.: Госкомстат России, 1994. 799 с.
Российский статистический ежегодник. 2002. М.: Госкомстат России, 2002. 690 с.
Торговля в России. Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 1998. 385 с.
Трушков В. Розовые миражи рынка // Правда. 1995. 14 дек. С. 2.
Челноков М. Президентские мифы-93 // Правда. 1993. 22 апр. С. 1–2.
Яковлева Е. Ажиотаж на потребительском рынке: народ готов скупать все – от соли до «со-ни» // Известия. 1995. 20 янв. С. 1.

Библиографический список

- Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. 440 с.
Двадцать лет реформ глазами россиян: Аналитический доклад / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2011. 325 с.
Ковалева Н.В. Мониторинг потребительского рынка // Мониторинг общественного мнения. 1997. № 2. С. 47–51.
Ковалева Н.В. Потребительский рынок // Мониторинг общественного мнения. 1995. № 5. С. 30–33.
Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России: Результаты мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» (1990–2002 гг.) // Мир России. 2003. № 4. С. 120–159.
Никитина В. Год за годом: 1992 // Мониторинг общественного мнения. 1998. № 1. С. 55–58.
Никитина В. Год за годом: 1995 // Мониторинг общественного мнения. 1998. № 4. С. 50–54.
Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Российская экономика в 1992–1998 гг. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та, 2014. 712 с.
Экономика переходного периода: очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991–1997 / рук. авт. кол. Е.Т. Гайдар и др. М.: Б. и., 1998. 1113 с.
Ledeneva A.V. Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 235 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 10.04.2019

THE EFFECT OF FILLED COUNTERS. OVERCOMING THE COMMODITY DEFICIT IN RUSSIA IN THE 1990s AND ITS SOCIAL CONSEQUENCES

O. V. Khlevniuk

National Research University “Higher School of Economics”, Myasnitskaya str., 20, 101000, Moscow, Russia
okhlevniuk@hse.ru

The sharp aggravation of the supply crisis in the USSR and Russia in the late 1980s and early 1990s was the most critical factor in discrediting the planned economy and in transitioning to a market system. Among the symbols of the socio-economic contradictions of the Soviet economy there were an infamously known deficit, shortage of food and industrial goods, and queues in shops. Overcoming the deficit was declared an essential goal of reforms and the transition to the free market. However, despite the dramatic reduction of consumption after the liberalization of prices, the shortage of goods persisted. It was only three years after the reforms started that the signs of overcoming the deficit appeared. This fact was an essential positive result of the reforms. It was widely used in the governmental propaganda and was positively perceived by society. At the same time, the way deficit was overcome, in particular, the saturation of the market by increasing imports rather than domestic production, has created new contradictions. There was an acute problem of the real availability and quality of goods. The article considers several issues based on published and archival materials. What was the phenomenon of commodity deficit in the context of price liberalization? How and by what methods was the saturation of the market with goods organized? To what extent did the processes reflect in mass sentiments? How was overcoming the deficit used as an argument in political propaganda?

Key words: supply crisis, reforms of the 1990s, overcoming of deficit, propaganda, popular attitudes.

References

- Gaydar, E.T. (2006), *Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoy Rossii* [The fall of the Empire. Lessons for modern Russia], ROSSPEN, Moscow, Russia, 440 p.
- Gaydar, E.T. (ed.) (1998), *Ekonomika perekhodnogo perioda: ocherki ekonomicheskoy politiki postkommunisticheskoy Rossii, 1991-1997* [Economy of the transition period: essays of economic politics of post-Communist Russia, 1991-1997], Institut ekonomicheskikh problem perekhodnogo perioda, Moscow, Russia, 1113 p.
- Gorshkov, M.K., Krumm, R., & V.V. Petuhov (eds.) (2011), *Dvadstat' let reform glazami rossiyan. Analiticheskiy doklad* [Twenty years of reforms through the eyes of Russians. Analytical report], Ves' Mir, Moscow, Russia, 325 p.
- Khanin, G.I. (2014) *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveyshee vremya. Rossiyskaya ekonomika v 1992–1998 gody* [Economic history of Russia in modern times. Russian economy in 1992-1998], NGTU, Novosibirsk, 712 p.
- Kovaleva, N.V. (1995), “Consumer market”, *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, № 5, pp. 30-33.
- Kovaleva, N.V. (1997), “Monitoring of the consumer market”, *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, 1997, № 2, pp. 47-51.
- Lapin, N.I. (2003), “How do they feel, what do the citizens of Russia aspire to? Results of monitoring "Our values and interests today" (1990-2002)”, *Mir Rossii*, № 4, pp. 120-159.
- Ledeneva, A.V. (1998), *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 235 p.
- Nikitina, V. (1998) “Year after year: 1992”, *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, № 1, pp. 55-58.
- Nikitina, V. (1998) “Year after year: 1995”, *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, № 4, pp. 50-54.